

ОТБЛЕСКИ
ЭТЕРНЫ

ВЕРА КАМША

ШАР СУДЕБ

VI

Вера Викторовна Камша
Шар судеб
Серия ««Отблески
Этерны» (Сериал Этерна)»
Серия «Отблески Этерны.
Черный», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74476516

*Шар судеб:
ISBN 978-5-04-254013-4*

Аннотация

Говорят, с судьбой лучше не спорить. Говорят, судьба подобна гигантскому шару, неумолимому и слепому. Говорят, убравшись с его дороги, можно уцелеть. Вместо тебя сметет других – судьба неумолима и непостижима, тем паче на Изломе эпох, когда гаснут последние маяки и удрученные мудрецы разводят руками.

Только кошка и во тьме будет кошкой, конь конем, а человек человеком, если только не станет нелюдью, а это так просто. Оскорбленная любовь и оскорбленная гордость, разбитое сердце и разбитые надежды порождают чудовищ, вот и гадай, что вернее убьет – ложь или правда, и кто подставит плечо – старый друг, потомственный враг или никчемный щеголь?

А Шар катится все быстрее, и времени на раздумья больше нет, пора действовать.

Подчинить коня, подчинить женщину, подчинить армию... Подчинить судьбу. Кому это удастся, и удастся ли?

Не проиграть, когда победить невозможно. Не победить, когда невозможно проиграть... Говорят с судьбой лучше не спорить... А если попробовать? Хуже уж точно не будет.

Роман «Шар судеб» завершает вторую трилогию цикла «Отблески Этерны» – трилогию Скал.

Содержание

Избранные места из дневника Жерара Шабли, магистра описательных наук, младшего ментора Королевской школы оруженосцев	6
От издателя	8
I	12
II	42
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Вера Викторовна Камша

Шар судеб

*Автор благодарит за оказанную помощь
Александра Бурдакова, Георгия Виноградова,
Ирину Гейни, Марину Ивановскую,
Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева,
Данила Мелинца, Кирилла Назаренко,
Ирину Погребецкую, Михаила Черниковского,
Елену Цыганову*

© Камша В.В., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

**Избранные места из
дневника Жерара Шабли,
магистра описательных
наук, младшего ментора
Королевской школы оруженосцев
(392–394 гг. круга Скал)**

Юрию "Змею" Нерсесову

От издателя

Рукопись, прежде известная узкому кругу лиц как «Записки мэтра Шабли», представляет собой довольно любопытный документ времён царствования Фердинанда Второго Оллара и состоит из девяти тетрадей, помеченных гальтарскими цифрами от 5 до 13, из чего следует, что существовали ещё четыре, ныне утраченные. При этом сколь-либо интересные широкой публике сведения содержат лишь тетради 5, 6, 10 и начало 11-й, по сути являющие собой три более или менее завершённые истории, каждая из которых имеет самостоятельную ценность и вполне может быть прочитана и понята отдельно от других.

Тетради однотипны, но не одинаковы: видимо, заполнив очередную, автор приобретал следующую, по возможности похожую. Это достаточно толстые тетради хорошей желтоватой бумаги в твёрдых переплётках, некогда обтянутых бархатом тёмных тонов. На двух из них сохранились латунные петельки, свидетельствующие, что они могли запирались на миниатюрный висячий замочек, призванный уберечь их содержание от чужого любопытства. Отметим, что сперва мэтр Шабли вел свои записи на талиг, однако в конце десятой тетради счел нужным перейти на гальтарику.

Начало первой из уцелевших тетрадей (помеченной «пятеркой») исполнено достаточно стойкими чёрными чернилами.

ми, но после переезда автора в Лаик цвет чернил меняется, и они обретают характерный фиолетовый оттенок, хорошо известный исследователям казенных бумаг того времени. Очевидно, получив доступ к казенной чернильнице, мэтр Шабли перестал пополнять собственные запасы, однако лаикские чернила оказались менее стойкими и плохо выдержали проверку временем – картина, хорошо знакомая завсегдатаям архивов. Положение усугубилось тем, что в какой-то момент тетрадам случилось, самое малое, отсыреть; в итоге часть записей оказалась размытой, к тому же на них появилась агрессивная чёрная плесень. Когда бумага просохла, плесень погибла, однако многие страницы оказались испорчены достаточно серьезно, так что от части записей до нас дошли лишь фрагменты слов и предложений. К счастью, потери оказались не критичными в том смысле, что, уничтожив множество подробностей, они не слишком мешают следить за ходом описываемых событий, но издатель все же считает необходимым предварить оригинальный текст рядом пояснений.

Весьма вероятно, что первые четыре тетради не потерялись, а были уничтожены самим Шабли, поскольку он почти наверняка признавался на их страницах в своей любви к некоей Ортанс Дюмени (впоследствии баронессе, а затем графине фок Хелльвальд), дочери ректора университета Сабве. Получив отказ, автор проникся к бывшему предмету своих чувств ненавистью, которую пронес сквозь всю свою дальнейшую жизнь. Неудача в любви усугубила и прежде

имевшую место неприязнь Шабли к дворянству, военным и правящей в Талиге династии. Тем не менее он согласился принять место младшего ментора в Королевской школе оруженосцев в Лаик.

Пятая, ранее опубликованная тетрадь ¹ практически полностью посвящена духовным исканиям самого Шабли (эту часть публикаторы сочли уместным значительно сократить) и внутренней жизни Лаик, которая до сих пор вызывает повышенный интерес. Кроме того, «Записки» позволяют лучше понять характер ряда личностей, впоследствии сыгравших определенную роль в истории Талига. Завершается пятая тетрадь описанием интриги, в которую был помимо собственной воли втянут автор и которая среди прочего привела к тому, что прежний капитан Лаик полковник Дюваль ² подал в отставку. Тетрадь завершается рассказом о том, что Дюваль, полагая себя обязанным Шабли, передал ментору значительную денежную сумму, полученную им за беспорочную службу при уходе с должности.

Предлагаемая читательскому вниманию помеченная шестеркой тетрадь начинается с пространных размышлений автора о том, как лучше распорядиться полученными средствами, и опасений за свое место. Эта часть рукописи (око-

¹ Прочсть упомянутую тетрадь можно в четвертом томе переиздания цикла «Отблески Этерны» («Зимний Излом»), Эксмо, 2023.

² Начальник Королевской школы оруженосцев официально именуется капитаном Лаик вне зависимости от воинского звания, которое он имеет (если имеет).

ло трети от общего объема) интереса не представляет. Читателю довольно знать, что Шабли предпринял ряд шагов для обеспечения своего будущего в случае, если ему придется покинуть Лаик, однако этого не произошло. Капитаном Лаик был назначен Арнольд Арамона, прежде занимавший должность ментора фехтования и по ряду причин расположенный к автору рукописи. Что до денег, то мэтр пришел к выводу, что их следует разделить на несколько частей и спрятать в тайниках, которые он и устроил в главном здании Лаик, воспользовавшись тем, что Дюваль, уезжая, доверил ему ключи от всех помещений. Особо отметим, что расположенность Арамоны к автору рукописи не была взаимной: мэтр относился к новому капитану, как и к прочим своим коллегам, весьма скептически, хоть и не выказывал это открыто. Второй сезон Шабли в Лаик (и первый сезон Арамоны в качестве капитана) прошел без осложнений. Следующий сезон (3-й день Осенних Волн 392 года К.С – 3-й день Весенних Волн 393 года К.С.) пришелся на мятеж Окделла-Эпинэ, известный также как «Надорское восстание».

Публикатор полагает, что предлагаемые уважаемому читателю «Записки» позволят взглянуть на эти события с неожиданной стороны. При этом ряд выводов и утверждений, которые делает автор рукописи, следует воспринимать критически, принимая во внимание несомненную предвзятость Жерара Шабли и отсутствие у него познаний в военном деле.

I

Талиг. Лаик

24-й день месяца Осенних Ветров 392 года круга Скал

Труд ученого, если это ученый, а не лакей, требует полного сосредоточения, но как его достичь, если любой оказавшийся поблизости глупец считает возможным напомнить о своем существовании? Мало того, что в доме сестры я не в силах написать ни строки, так еще и в Лаик все лето идет непрерывная возня. В доме стучат и скрежещут мастерские, а в парке нет проходу от солдат и слуг с лопатами и метлами, и это не считая нового берейтора, так и не соизволившего убраться хотя бы на месяц. И добро бы сей господин занимался манежем и конюшнями, которые вздумали очередной раз перестраивать (после этого кто-то еще говорит, что у нашего тессория на счету каждая монета?). В итоге господин Шатень навязывает мне свое общество чуть ли не каждый второй вечер. Его убогий разум не в состоянии осознать, что время напряженной работы для меня приходит с сумерками. Днем удобно копать канавы и пасти скотину, но творчеству и науке солнечный свет не способствует.

Что ж, остается признать, что перчаточник и берейтор украли у меня лето и тем самым отдалили желанный миг освобождения от Лаик и его смешных обитателей. Завтра возвращается Арамона, а через неделю мне предстоит насла-

диться видом очередной, уже третьей, стайки головастика. Два – уже два! – здешних сезона избавили меня от последних иллюзий. Плодотворно работать в окружении тупиц невозможно. Когда я обучал самку попугая кричать о своем счастье быть баронессой, мне было хотя бы смешно. Вклады в дворянские головы подобие мысли не просто утомительно, это унижает, а ведь я, если отбросить ложную скромность, давно достоин университетской кафедры. Преподавать я умею и с удовольствием помог бы достойным принять светоч знаний, но здесь таковым не место.

1-й день месяца Осенних Волн 392 года круга Скал

Сегодня я удостоился полдника в обществе господина капитана. Арамона мазал горчицей привезенный с собой окорок и рассуждал о своих (он повторил это слово раз восемь) унарах. Я, впрочем, слушал со всем вниманием. Ученый до завершения своего труда не вправе расстаться с книгохранилищем, которое сделает честь лучшему университету, а значит, мне должно оставаться в Лаик. Что ж, я буду безупречен.

Наука в самом деле требует жертв, причем голод и стоптанные башмаки еще не самое страшное. Куда хуже улыбаться и кивать, выслушивая тупое ничтожество, от которого зависит, будет ли у меня возможность пользоваться столь необходимыми мне источниками. От головастика, вернее, от их родни, это тоже зависит, поэтому я старался запоминать капитанские откровения, увязывая их с тем немногим,

что знал о семействах будущих унаров сам.

Грядущий выпуск обещал быть не слишком ценным, однако какое-то количество племенной скотины к нам пригодят. С точки зрения Арамоны, самыми важными станут сынок губернатора Западной Придды и будущего графа Укбана, кэналлийский маркиз Аларкон и пара наследников и при этом, что куда важнее, племянников. Тетка юного Фарнэби замужем за живоглотом Валмоном, а мать будущего графа Марана – сестра пресловутого Колиньяра, сам же Маран приходится родичем герцогам Эпинэ. Впрочем, наследника Килеана-ур-Ломбаха, второго сына графа и в придачу генерала Давенпорта и брата графа Ластерхафта-увер-Никша Арамона тоже готов холить и лелеять. Еще ожидаются трое бергеров, один не столь знатный кэналлиец и два с лишним десятка всяческих баронов, генеральских внуков и губернаторских внучатых племянников. Найдется ли среди них хоть один, к кому может быть применено данное Лахузой определение человека, я очень сомневаюсь.

3-й день месяца Осенних Волн 392 года круга Скал

Магистр описательных наук, помимо истории и изящной словесности, должен держать в уме обитающих в Талиге тварей во всем их разнообразии. Именно этим я на представлении унаров и занялся. Связывать физиономии с именами за минуту до того, как их выкликнет Арамона, было забавно. Я сразу же опознал бергеров, хотя угадать, кто в этой троице дюжих белобрых парней кто, разумеется, не мог. Затем меня постигла неудача с одним из пары кэналлийцев: я и помыслить не мог, что полушад может оказаться блондином и счел такового наследником Укбанов. Увы, губернаторским сынком оказался коренастый шатен с относительно неглупым взглядом. Затем мне с легкостью удалось определить долговязого унара Эндрю и щекастого унара Лукаса, а вот унар Жюстен, subtilный и при этом смазливый юнец, был мною принят за унара Бенито. Унара Хлодвига, здорового обладателя деревянной и при этом правильной физиономии, я разгадал шутя, как и похожего на садового

³ Поскольку данная публикация носит популярный характер, не поддающиеся расшифровке фрагменты рукописи опущены, равно как и многочисленные и во многом повторяющие друг друга пространные рассуждения на философские, политические и литературные темы. Все лакуны в публикуемом тексте помечены звездочками.

грызуна унара Хьюго, а вот унар Эраст в этом году нас не осчастливит. Наследник графа Килеана-ур-Ломбаха исхитрился свалиться с лошади и сломать ногу, что дает ему некоторый шанс. В теории вынужденное длительное заточение может приохотить к чтению и размышлениям, но я готов поклясться, что в данном случае теория с практикой разойдутся.

[****]

11-й день месяца Осенних Молний 392 года круга Скал

Шатень по-прежнему ищет моего общества – видимо, лошадей, унаров и собутыльников-фехтовальщиков ему не хватает. На сей раз я был изловлен на прогулке и выслушал подробный отчет о сходстве лошадей с их всадниками и об отношении всадников к лошадям. Наш берейтор уверен, что, подглядев, каков человек на конюшне, можно сказать, каков он вообще. Мысль занятная, и я позднее ее записал, чтобы вложить в уста какого-нибудь забавника из народа, без которого, согласно Лахузе, драма не будет полноценной. В ответ же на многословный монолог я признался, что с детства боюсь лошадей, в глубине души надеясь, что это положит излишням конец. Я ошибся и был вынужден выслушать еще одно рассуждение, перешедшее в жизнеописание.

Прежде берейтор не говорил, что был подкидышем, которого приютил зажиточный шорник. Приемыш, однако, пред-

почел завербоваться в армию, поскольку мертвым шкурам предпочитал живые. Сам не знаю почему, я поддался минутному порыву и признался, что тоже являюсь приемышем. Шатень страшно воодушевился и принялся рассуждать, кем были мои и его родители. По его мнению, сыновья всегда удаются в отцов, а дочери – в матерей, а значит, его батюшкой был кавалерист, вернее всего офицер. Мне же в предки назначили кого-то чуждого лошадиному обществу, обладающего большим умом, слабым здоровьем и к тому же склонного к книгочейству, то есть клирика, причем не из простых. Догадка, при всей своей грубости, любопытная. В попытке разгадать тайну своего рождения я третий год вглядываюсь в надутые породистые физиономии и рассматриваю в рисовальном классе унарские родинки, а ведь внутреннее содержание много важнее. Разум ученого не может быть наследством крестьянина или мастерового, но дворяне столь же ограничены, как и мельники.

Я не выношу арифметику, значит, мой отец не был негоциантом или чинушей из тессории, а слабое здоровье и субтильное сложение исключает жеребца со шпагой. Кто же остается? Клирик, съентифик или... дипломат, причем отнюдь не обязательно талигойский. Неприятие Талига Олларов и тяготение к свободным и просвещенным странам вполне может являться тем самым голосом крови, о котором так любят упоминать поэты. Я полагал это художественным образом, причем не из удачных. Что ж, свои заблуждения сле-

дует честно признавать. Оpoznать подобным образом родича и тем более «данного Создателем сюзерена» инкогнито, как сплошь и рядом происходит в драмах, вряд ли возможно, но это заметно сужает круг поисков. Конечно, выяснить, кто из агарийских или гайифских дипломатов в соответствующее время проехал по моим родным местам, непросто, но, проявив определенную изобретательность, возможно. С другой стороны, на каком основании я счел мою мать простолюдинкой? Она вполне могла быть супругой какого-нибудь вечно пропадающего на войне грубияна. Двое могли встретиться, и женщина не устояла перед разумом и утонченной обходительностью, а потом либо сама, либо с помощью любовника в меру сил позаботилась о плоде вспыхнувшей страсти. Забавно, но я вполне могу читать землеописание и словесность собственным полуплемянникам, а то и единоутробным братьям.

[****]

5-й день месяца Зимних Скал 393 года круга Скал

Строгость олларовских законов безмерна. Когда они не касаются бездельников и бездарей со шпагами. Считается, что члены братства святого Фабиана отрекаются от всего, кроме имени, их домом становится Лаик, семьей – товарищи и ла-ла-ла... Не скажу, чтоб я этому верил, но подозрения, пока они не доказаны, остаются всего лишь подозрени-

ями. Я подозревал, что знаменитые строгости первых четырех месяцев (хотел бы сказать – обучения, но для моих головастиков это слово слишком хорошо) сидения в Лаик не более, чем лицемерие, так и оказалось. Занедужил старый граф Укбан, и вот унар Виктор снимает черно-белые тряпки и исчезает в сопровождении прибывшего за ним эскорта с гербами. Разумеется, ко дню святого Фабиана он вернется, натянет отутюженное платье и как ни в чем не бывало отправится предлагать свои услуги Лучшим Людям. Ему можно, укбанам можно вообще все.

[****]

13-й день месяца Зимних Скал 393 года круга Скал

Это становится смешным. Вслед за унаром Виктором нас покинул унар Генри. У этого для разнообразия решила скончаться бабка. Все повторилось: записка от Первого маршала, переодевание, эскорт с гербами, на сей раз баронскими. Безутешный внук поспешает к дорогому гробу. На поминках скорбящая орда сожрет и выпьет столько, сколько хватило бы целому факультету на месяц, только студенты видят мясо хорошо если раз в неделю, да и то отнюдь не все. Желаящие могут утешаться монологами Иссерциала и Дидериха о свободе, ходящей рука об руку с голодом, и о преимуществах оленя в лесу перед свиньей в хлеву, но я не обольщаюсь. Да, жизнь свиней и каплунов при всем своем благополучии ко-

ротка и кончается на вертеле, но талигойские дворяне жрут, пьют и носят бархат до седых волос и лысин. До внуков, которых увозят к их гробам из якобы недоступной Лаик. Сви- нья в хлеву достойна большего уважения, ведь она честна и расплачивается за свое благополучие собой, но дворянство получает всё, ничего не давая миру, кроме навоза.

[***]

9-й день месяца Зимних Ветров 393 года круга Скал

Сегодняшний ужин неожиданно презентовал мне задачу. Не сомневаюсь, что ответ прост и гнусен, однако, пока его нет, я могу слегка размять утомленный рутиной разум, а затем свериться с разгадкой, которая воспоследует если не к завтрашнему обеду, то вскоре после него.

Начало было самым заурядным. Повара перестарались с остротой подливы, видимо скрывая таким образом недостатки кушанья – там, где воруют господ, слуги воровать просто обязаны.

Следовало ожидать, что капитан, как уже случалось не раз, обрушится на виновных со всей страстью раздосадованного обжоры, но нет – Арамона даже не хрюкнул. Мало того, он не стал заливать вспыхнувший в пасти пожар стоявшей перед ним тинтой. Подобное поведение заставило меня присмотреться к пастырю головастика повнимательнее – сомнений не осталось, он находился в сильнейшем возбуж-

дении, хоть и пытался это скрыть. Конечно, человека наблюдательного, привыкшего мыслить логически, каменной физиономией с толку не сбить, но я здесь в одиночестве и к тому же привык держать свои мысли при себе. Мои коллеги, даже преподающие то, что с определенной натяжкой можно назвать наукой, умеют смотреть, но не видеть. Что до фехтовальщиков, гимнаста и берейтора, то они привычно работали челюстями, то и дело – о, эта огнедышащая подлива! – прикладываясь к своим кубкам, молодняк же за нижним столом ничего бы не разглядел, даже будь он на это способен.

Тем не менее что-то несомненно случилось, и Арамона старался это скрыть, а если у несдержанного тупицы хватает мозгов и сил удерживать причину возбуждения в себе, упомянутая причина должна быть серьезной. По крайней мере для господина капитана, однако днем ничего примечательного не произошло, минувшей ночью тоже было тихо, ни происшествий, ни унарских глупых шуток. Получается – или что-то ускользнуло от моего внимания, или источник капитанских волнений лежит за стенами Лаик. Первое маловероятно, иначе беспокоился бы кто-либо еще. Второе? Но до Зимних Волн мы считаемся отрезанными от мира затворниками. Значит, Арамона получил известия либо тайно, в нарушение запрета – столь высокопоставленной особе подобная мелочь навверняка сойдет с рук, либо, что гораздо вероятнее, от высокого начальства.

Пищи для дальнейших умозаключений на первый взгляд

не имелось, но за два с лишним года совместных, с позволения сказать, трудов я достаточно изучил Арамону и мог с уверенностью сказать: что бы оно там ни было, лично его случившееся не задевало. Опасаясь, злясь, обдумывая свои делишки или же предвкушая какое-то удовольствие, он выглядел иначе. На этом основании я решительно отвел как известия от родни, так и получение распоряжений, неважно, приятных или же нет.

Жаль, но как бы ни был развит и остер ум, ему требуется от чего-то отталкиваться, а я свои возможности исчерпал. Признаться, я рассчитывал, что начальство, спровадив унаров, осчастливит нас одной из своих нелепых речей, но Арамона всего лишь сообщил, что долг призывает его ко двору и что завтра надлежит вести уроки согласно расписанию.

Из трапезной я выходил вместе со Шлихом.

– Как вы думаете, – спросил он, – где мы будем воевать на этот раз?

– Простите? – признаться, я несколько растерялся, – почему вы заговорили о войне?

– Ах да, – спохватился Шлих, – я забыл, что при вас подобного еще не случалось. Капитана Лаик положено вызывать, если кто-то поднимает оружие против Талига. Стычки в Торке не в счет, они не прекращаются никогда, а вот вторжение со стороны Каданы вполне возможно. Правда, удивляет время: северные войны обычно начинаются в конце весны, а в смелость Гайифы и тем более Агарии не верится. Лет

пять назад я бы заподозрил мятеж, но после Борна поднимать его некому и незачем.

Он явно ждал ответа, и я поспешил согласиться, хоть и мог привести не меньше дюжины доводов в пользу того, что Олларам не место на троне, а Сильвестру – за троном. Увы, людей, готовых жертвовать собой ради отечества, в наше время и в нашем королевстве нет, так что ожидать восстаний в самом деле не приходится.

10-й день месяца Зимних Ветров 393 года круга Скал

День утонул в обыденности, однако вечер преподнес немалый сюрприз. К ужину Арамона не вернулся, и я, подавив неуместное любопытство, сел готовиться к завтрашнему уроку. Мне требовалось освежить в памяти записки объехавшего Кагету и часть Сагранны адепта ордена Знания Иренея, однако моя работа была прервана слугой. Вернувшийся, наконец, Арамона спешно созывал всех менторов в Коронную приемную, что уже само по себе было делом необычным. По пути я столкнулся с вездесущим Шатенем и услышал, что это в самом деле может означать войну.

Мы вошли почти последними, после появились лишь откровенно раздосадованный ночным вызовом звездочет и клирик, который, не дожидаясь приглашения, устроился в кресле под портретом Карла Второго. Арамона в своем дурацком черно-белом наряде уже восседал за столом, на котором красовалась Книга Ожидания и нечто вроде толстенного альбома, где расписываются доставляемые в садок голо-

вастики. Господин капитан выглядел откровенно довольным и напоминал не столько кабана, сколько нухутского петуха, хотя сам себе наверняка казался орлом. И что удивительно, он опять был трезв.

Я воспользовался пододвинутым мне берейтором стулом и оказался под перекрестным взглядом намалеванного Франциска и живого аспида, судя по вишневому румянцу, успевшего угоститься на сон грядущий. Стрелки громко щелкающих часов приближались к полуночи, самое время выслушивать судьбоносные речи.

– Кто-нибудь, – изрек Арамона, обводя нас грозным, как он полагал, взглядом, – проверьте, плотно ли прикрыта внешняя дверь, и задвиньте засов.

Младший фехтовальщик в полной тишине вышел. Мы молчали, Арамона сопел, часы щелкали, и все вместе отчетливо напоминало дурную пьесу. Вернувшийся пыратель заверил, что двери заперты, а лестница и вестибюль пусты. Арамона кивнул, поднялся, опираясь руками о стол, и объявил, что все услышанное мы обязаны хранить в тайне. На это мог быть лишь один ответ, и мы дружно проблеяли, что унесем драгоценный секрет в могилу. Капитан еще раз кивнул и выпрямился, выпятив грудь колесом. В обычной ситуации он бы сейчас хекнул и топнул сапогом, но обстоятельства явно выходили за пределы обыденности, и Арамона лишь шумно втянул в себя воздух.

– Господа, – он вновь обвел нас глазами, – в нашем коро-

левстве нашлись глупцы, посмевавшие бросить вызов короне. И, разумеется, этих неблагодарных ожидает самое печальное будущее, хе-хе!

Сходство с дурной пьесой стало полным. Часы вызывали «Триумф великого Франциска», после чего принялись бить полночь. Арамона стоял, мы сидели и ждали продолжения, каковое последовало, едва успел стихнуть последний удар.

Не сомневаюсь, что капитан головастика старался воспроизвести то, что ему зачитали в геренции или где там сообщают опорам трона подобные новости, но бубнить казенные слова тоже надо уметь. Арамона не умел, мешая услышанные пошлости с содержанием собственной башки. Результат был столь изумителен, что я по возможности постарался воспроизвести сей монолог дословно.

Итак: при дворе стало известно, что герцог Окделл – а ведь генералом его сделали, бездаря неблагодарного – поднял мятеж.

К мятежу примкнули некоторые безмозглые надорские дворяне и, что удивительно, южане Эпинэ, которых всегда считали опорой трона и чьи доблестные предки, несомненно, сейчас ворочаются в гробах.

Однако нашлись и честные люди, не поддавшиеся на лживые посулы взбунтовавшегося негодяя, которые и поспешили донести о происходящем богоданным властям.

Гнусные мятежники, осознавая свое бессилие и неизбеж-

ность поражения, уповают исключительно на помощь исконных врагов Талига. Но это все равно бесполезно, ибо его высокопре... его величество Фердинанд Второй, как только позволят дороги, двинет против смутьянов верные войска, которые всяко сильнее собранного Окделлом сброда. Да и сам герцог никакой не полководец и настоящим боевым генералам не соперник, уж это-то Арамона точно знает, поскольку лично наблюдал негодяя на войне. Ну а помощь к предателям, вне всякого сомнения, опоздает: Первый маршал Талига герцог Ноймаринен и воины Бергмарк свой долг знают и врага внутрь Талига не допустят, а посему никаких сомнений и никакого распространения дурных слухов! К Октавианским праздникам мятежников настигнет закономерный конец. Никаких переговоров на этот раз не будет, как и прощения.

Главарей ждет Занха, и поделом, пока же следует вести себя как ни в чем не бывало. Хвала Создателю, в стенах Лаик отродий предателей нет, и бунт горстки отщепенцев не должен влиять на подготовку ко дню святого Фабиана, а посему упоминать при унарах о выходке предателей строжайше запрещается вслед (господин капитан выразился именно так) до особых распоряжений.

– Означает ли это, – подал голос опомнившийся первым Шлих, – что еженедельные отпуска в этом году отменены?

Этого Арамона не знал, и мы слышали, что до третьего дня Зимних Волн, когда унарам будет дозволено общение с

внешним миром, нам об этом сообщат. Лично я покидать Лаик до выпуска не собирался, но одно дело – оставаться по собственному желанию и ради дела и совсем другое – подчиняясь нелепому приказу. Мне стало неприятно.

11-й день месяца Зимних Ветров 393 года круга Скал

Не знаю, как бы я себя повел, оторви меня Арамона от работы над моей трагедией или диссертацией, но не писаниям Иренея затмить воистину сногшибательную новость. Мысли вновь и вновь против воли возвращаются к услышанному. У мятежного Борна нашелся последователь? И снова на севере?.. Неужели придется признать, что не все аристократы столь низки духом и чужды истинному благородству, как кажется из Лаик?

Окделлы и прежде выгодно отличались от своих собратьев. Я презираю эсператистов, но, причислив Алана к лику святых, они отдали должное его мужеству и благородству. В юности меня почти до слез растрогал венок сонетов, посвященных неизвестным автором Алану и его вдове, чуть ли не в миг смерти мужа отданной Франциском своему приспешнику. Теперь я понимаю, что считать герцогиню жертвой не приходится. Мало того, что «несчастливая» Женевьев рожала новому супругу ребенка за ребенком, хотя о настоящее эвро ала-тики знали еще в Гальтарах, эта особа не позволила своему сыну от второго брака отказаться от титула в пользу единоутробного брата. Потомки Алана вернули Надор спустя много лет, не помню уж, как именно, но любимцами Олларов

они не являлись никогда. Окделлов не удалось ни запугать, как Рокслеев или Приддов, ни купить, как Эпинэ, Савиньяков, Дораков, Ариго. Хозяева Надора были верны своей чести, как они ее понимали, и вот теперь восстание.

Я искренне желаю мятежному герцогу успеха, но я прежде всего ученый, а значит, не должен поддаваться чувствам. Арамона уверен, что мятежники обречены, но мнение этого дурака вряд ли стоит принимать всерьез. Остается оценить шансы повстанцев самому, с помощью трезвого научного ума, логики и знаний о прошлых войнах и мятежах.

История учит, что успех или же неудача подобных предприятий неразрывно связаны с личностью вождей. Они могут быть, и чаще всего бывают, не знающими жалости подлецами, но при этом обладают качествами, возносящими их над толпой. Что ж, попробуем сравнить силу сторон и начнем с самого герцога Окделла. Арамона испытывает к нему откровенную неприязнь и называет «генералом из милости», но капитан Лаик туп, ленив, невежественен, мнителен и обидчив. Если предположить, что Окделл в свое время его основательно задел, то многое становится на свои места. Винный бочонок помнит старую обиду и, как и положено злопамятному ничтожеству, наделяет своего врага всеми дурными качествами. Нет, верить его словам нельзя.

За глупой бездарностью не пойдут ни вассалы, ни тем более герцоги Эпинэ. Окделл кинул клич, и ему ответили, значит, с личностью главы восстания не все так плохо. Если же

говорить о воинском искусстве и опыте, то Эпинэ не могут быть хуже придворных выскочек вроде брата нынешней королевы. Что ж, эта чаша весов выглядит привлекательно, а кто на второй? Ненавистный всем, у кого есть ум и совесть, кардинал, торгош Манрик и стареющий Ноймаринен, не выигравший в свою бытность Первым маршалом ни единого крупного сражения. Вряд ли кто-то из них способен воспламенять сердца, а уж о короле и говорить не приходится, ничемность Фердинанда очевидна даже моему верноподданному зятю.

Арамона может сколько угодно вещать о верных короне генералах, но широкие перевязи в Талиге раздают если не интриганам, то бездарностям с родословной. Защищать свое положение и свою шкуру они, конечно, станут, но... Стоп, а станут ли? Я в Лаик относительно недавно, но старожилы в один голос дивятся падежу среди головастиков. Один не доехавший и двое друг за другом отозванных к больным родичам! На памяти Шлиха лишь пресловутый Алва прибыл в Лаик на год позднее, чем положено, но об этом было известно заранее.

Напрашивается вывод, что три влиятельных семейства знали о мятеже и поспешили избавить своих отпрысков от судьбы заложников, а это значит, что заговор гораздо шире, чем может показаться, и его начали готовить не позднее конца прошлого лета. Сперва был вовлечен ограниченный круг, среди которого был Килеан-ур-Ломбах, чей сын очень кста-

ти свалился с лошади. Затем подготовка восстания началась всерьез, и если связь Гланов с Окделлами не удивляет, то участие в заговоре губернатора одной из крупных провинций говорит о многом. В то, что Укбаны выбрали свободу и рискнули ради нее головой, мне не верится, губернаторы могут примкнуть к мятежникам, лишь не сомневаясь в их победе, а для подобной уверенности должны быть серьезные основания.

Сейчас уже глубокая ночь, а завтра мне предстоит вещать про красоты Сагранны, так что пора подводить первые итоги и отходить ко сну. Итак, на месте Арамоны я бы не торопился провозглашать скорую победу, а то как бы не пришлось не только повествовать о горьком поражении, но и уносить ноги от победителей.

12-й день месяца Зимних Ветров 393 года круга Скал

Говорить о восстании с коллегами сразу и бессмысленно, и недаленовидно. Они слишком благополучны, чтобы видеть всю мерзость Талига Сильвестра, и к тому же ограничены. Взвесить происходящее на весах разума менторы Лаик не в состоянии, единственное, что их занимает, – это возможная отмена уже совсем близких еженедельных отпусков и вероятная компенсация за сие неудобство. Некоторые сомнения испытывает разве что Шлих, но он предубежден против повстанцев и не способен учитывать несколько факторов сразу. Конечно, к моим услугам перья и очень приличная бумага, однако порой хочется не просто высказаться, нужен хоть

какой-нибудь отклик. Это естественное человеческое желание навело меня на занятную мысль. Мне припомнился позапрошлогодний – уже позапрошлогодний, как стремительно летит время! – казус с никогда не существовавшей и тем не менее определившей первого в выпуске гальтарской драмой, и я решил превратить случайность в преднамеренность. А именно проверить моих головастиков на безнадёжность и заодно выяснить, как они воспримут сюжет, который равно можно развить как в трагедию, так и в элегию.

На ближайшем уроке я намеревался разбирать среднегальтарскую нравоучительную поэзию, и это как нельзя лучше сочеталось с моим замыслом. Вкратце поведав о Софимете и его последователях, я перечислил отличительные признаки созданных ими трагедий, после чего перешел к моей задумке. Головастики услышали о восстании, поднятом опальным полководцем против тирании временщика. С помощью нескольких характерных деталей я превратил надорский мятеж в трагедию, якобы написанную учеником создателя «Элкимены» и дошедшую до потомков без последнего действия.

Унарам предлагалось додумать развязку и написать финальное нравоучение. В софиметовы времена оно состояло из четырех восьмистиший и исполнялось в конце действия театральным хором, но я разрешил использовать любую из известных ныне кратких поэтических форм. Удивления это не вызвало, я и прежде предлагал подобные задания, резуль-

таты которых меня одновременно злили, веселили и укрепляли в мысли о том, что высокородность таланта не предполагает.

Сообщив унарам, что им предстоит, я осведомился, имеются ли вопросы. Обычно их не случалось, но на сей раз две руки все-таки поднялись. Унар Лукас хотел знать, не имеется ли в виду спорный список «Мирикионы», о котором я, признаться, позабыл, а унар Хлодвиг очередной раз явил свою умопомрачительную тупость, спросив, был ли мятежный полководец талигойцем. Потому что если был, то предателя, несомненно, разбили и казнили в Занхе.

Признаться, я почти испугался. Предельная ограниченность порой способна на поразительные откровения, поскольку не признает полутонов и все сводит к чему-то ей понятному. Хлодвиг знал лишь один мятеж – мятеж Борна. Древней истории для него просто не существовало. Тщательно продуманных мною отличий между выдуманным и настоящим восстаниями он просто не заметил, как жабы не замечают неподвижные предметы. Я бы оказался в затруднительном положении, если бы не вопрос Лукаса. Маркиз Фарнэби, надо отдать ему должное, нашел для своих отпрысков отличного ментора.

Хлодвиг ждал ответа, и я предложил Лукасу удовлетворить любопытство товарища. Отродье Фарнэби немедленно сообщило, что в Золотой анаксии бунт бывал последним способом донести до анакса жалобу или просьбу. Зачинщи-

ки отвечали за свою дерзость головой, но после показательной казни их требования могли быть полностью или частично удовлетворены. В позабытой мною довольно-таки посредственной трагедии так и произошло, финал же пьесы, что разворачивалась сейчас в надорских снегах, был пока еще неизвестен.

Больше вопросов не нашлось. Я перевернул песочные часы, засекая время, и головастики взялись за дело. Кто-то смотрел в потолок, кто-то грыз перо, кто-то морщил не слишком высокий лоб и шевелил губами. Алвасетский маркиз смотрел в окно, Лукас прикрыл глаза, Эндрю, напротив, что-то сосредоточенно записывал, а крашенный песок вытекал тоненькой черной струйкой... Я дал унарам два часа, а сколько времени было отпущено Эгмонту и Сильвестру?

Происходящее я обдумывал третий день. Когда первые эмоции улеглись, я смог оценить ситуацию во всей ее полноте и пришел к выводу, что Эгмонт имел союзников не только за пределами Талига, но и внутри, и союзники эти оставляли желать лучшего. Я никогда не испытывал священного трепета перед древними кровопийцами, но мне пришлось сперва изучать их деяния, а затем вещать о них, так что события Двдцатилетней войны я помнил во всех подробностях. Тогдашняя неудача Гайифы и Дриксен стала следствием их собственных ошибок. Сперва они полностью положились на воинскую силу, а когда сумасшедший Алонсо стал наносить им поражение за поражением, понадеялись на принца Олла-

ра. Став регентом при заболевшем брате, он мог избавиться от кэналлийцев с бергеррами и заключить вменяемый мир. Да, Талиг потерял бы несколько провинций, но взамен обрел бы иное, не столь гнусное будущее. Шанс на это, по крайней мере, имелся, увы, всё опять стубила глупость. Как, впрочем, и всегда.

Вместо того чтобы, начав новое наступление, приковать Алонсо к армии, паонские и эйнрехтские стратеги взяли паузу и принялись зализывать раны, ожидая известий из Оллари. И дождались. Заскучавший по своей любовнице Алва отправился в столицу, не забыв прихватить с собой бергерских головорезов, видом которых собирался позабавить короля. О, это у него получилось в полной мере! Посеянного ужаса хватило на сотню с лишним лет, но в Талиге предпочитают гордиться победами этого зверя, не видя затоптанной им надежды на союз с разумом. И все же история не только оскорбляет и унижает, но и учит.

Если я верно разгадал нынешнюю комбинацию, Талигу следует ждать серьезного поражения в Надоре с одновременным выступлением в столице. Фердинанд и так достаточно жалок, разгром превратит его в полное ничтожество. Он согласится на любые условия, первым из которых наверняка будет устранение Сильвестра и возвышение Окделла, Эпинэ и, к несчастью, господ вроде Укбана, которые постараются прибрать к рукам то, что сейчас принадлежит кардинальским выкормышам.

Очевидно, что пресмыкающийся перед Сильвестром Арамона будет с позором изгнан одним из первых, но что будет со всеми нами? Наш замшелый астроном или лошадаик Шатень еще могут сохранить свои места, но мне припомнят и неподобающие рекомендации, и переписку с Капоттой, и покровительство Арамоны, не говоря уж о сношениях с Дарзье. В лучшем случае меня просто вышвырнут, но это если не примутся искать сообщников Сильвестра под всеми кроватями.

Приходится признать, что, если думать о себе, вернее, о науке и о будущей трагедии, мне следует желать восставшим поражения, однако быть на стороне кардинала и Манрика я не в состоянии! Положение не из приятных, хотя можно попробовать найти выход и из него. В любом случае, до дня святого Фабиана бурных событий ждать не следует, а после нужно будет подумать если не о переезде, то о спасении и вывозе из Лаик моего имущества и столь необходимых мне для работы старинных книг, которые имеют все шансы сгинуть во время грядущей смуты.

13-й день месяца Зимних Ветров 393 года круга Скал

Я проверил, с позволения сказать, творения моих унаров. Это было удручающе. Относительно пристойных работ не набралось и десятка. Лукас написал более или менее сносный рондель, Эндрю справился с сонетом, а кэналлийцы использовали довольно занятную форму, по всей вероятности, багряноземельскую, при случае надо будет их расспросить.

Не разочаровал и Хлодвиг, породивший чудовищное в своем верноподданном слабоумии двустишие:

*Кто сговорится с хищными врагами, повержен будет
нашими руками.*

*Предателей мы храбро разобьем и королю их знамя
принесем.*

Это настолько плохо, что по-своему прекрасно. Если свежий ветер развеет ядовитую мглу, которой мы вынуждены дышать, или же мне удастся выбраться из нее самостоятельно, я пушу сии невозможные строки в ход, но поэтом можно не быть. Куда печальней, что доставшиеся мне юнцы столь же убоги и безнадежны в своей человеческой ипостаси. Никто из них – ни один! – не встал на сторону справедливости и не понял, что поражение порой дает больше, чем победа. Дворянам важно свалить соперника и поставить ногу ему на грудь, для них существует единственная правота – их собственная. Те зачатки разума и здравого смысла, которые порой прорывались у того же Эндрю, отказывают, едва речь заходит о смертоубийстве и о возможности отличиться в глазах себе подобных и коронованного ничтожества. Нет, их не исправить! Я достаточно долго нахожусь среди «благородного» сброда, чтобы это понять. Остается лишь поддерживать в меру сил огонек знаний и разума, используя любую возможность для спасения того, что дерущиеся тупицы растопчут и не заметят.

Когда рушатся троны, горят библиотеки. Мне страшно даже думать, сколько бесценных книг, рукописей, картин погибло при взятии Агариса, Криона, Паоны... Нет, я не испытываю жалости к утопленным морисками эсператистам, а уэртский король и паонский император допустили слишком много ошибок, но утраченные сокровища нельзя не оплакивать. Впрочем, что сгорело, то сгорело, а библиотека Лаик пока цела, и я не могу покинуть ее на произвол судьбы, не предприняв попытки спасти хоть что-нибудь.

[****]

18-й день месяца Зимних Ветров 393 года круга Скал

Совпадения и порождаемые ими трагические ошибки – излюбленный прием драматургов, логический ум обычно отказывает им в праве на существование, однако в одном случае из тысячи они все-таки происходят.

Я не ошибся ни в том, что Укбаны способны примкнуть к заговору исключительно из уверенности в успехе мятежников, ни в том, что победу эту способны обеспечить лишь сопредельные державы и мужество восставших, однако я считал невозможной одновременную смерть престарелых родственников двоих унаров. Полагаю, в случае юного барона Глана мы в самом деле столкнулись со вполне допустимой в нынешних обстоятельствах хитростью, а вот старый граф Укбан и впрямь скончался от внутреннего воспаления.

Теперь его сынок-губернатор ждет подтверждения титула, а внук оспаривает у кэналийского маркиза и еще одного графского, но не губернаторского чуда первое место в выпуске.

Признаться, увидев на уроке унара Виктора, я не поверил своим глазам, но это был он, а выражение лица и худоба служили косвенным подтверждением его правдивости. Мне оставалось лишь выразить сочувствие и прочесть элегию Веннена «На смерть матери друга». Кажется, юнец был растроган.

Урок пошел своим чередом, но меня мучила досада. Для ученого самое неприятное – это не зависящая от него ошибка. Так рушится безупречное здание, возведенное на скале, которая по всем признакам являлась надежной. Знать, что под толщей земли таятся пустоты, сперва невозможно, а затем бессмысленно.

Желая успокоиться, я, отпустив унаров, спустился в парк. С мыслью, что мятежники добьются успеха и что военное поражение будет сочетаться с внутренним переворотом, я свикся, однако возвращение Укбана заставило меня пересмотреть прежние построения. Окделл и Эпинэ оказались смелей и порядочней, чем думалось, при этом их положение было куда более сложным. Повстанцы могли рассчитывать лишь на собственную стойкость и расторопность Гаунау и Дриксен. Сильвестр если и не уничтожил в Талиге всех, кто был способен рвануться к свободе, то подкупил или запугал,

и теперь нас ждала война, очень возможно, что длительная.

У пруда мне попался Кваретти. Обычно, если у него не было занятий, наш уважаемый астроном днем спал, но почти весеннее солнце выманило из норы и его. Мы немного поговорили о воспалениях, мигренях и скоропостижных смертях, потом тема мне наскучила, и я поинтересовался его расчетами. Заклинание сработало: почтенный магистр прикладных наук забубнил о шестнадцати созвездиях, которые солнце проходит за год, а луна за месяц, и о пяти блуждающих звездах, которые могут двигаться не только вперед, но и назад, то обгоняя солнце, то отставая от него.

Много лет назад меня оставили без ужина, так как, отвечая урок, я спутал названия и свойства прямой и попятной ипостаси небесных странниц. Урок оказался действенным, я на всю жизнь запомнил, что самая яркая из блуждающих звезд, идя впереди солнца, именуется Фульгат, а идущая за ним – Фульгой, голубоватую звезду называли то Эвротом, то Эвро, зеленую – Найер и Найери, а желтую – Литтэн и Литто. Не представляю, как можно убить всю жизнь на изучение крохотных небесных огоньков, и еще меньше понимаю, как можно верить в то, что они что-то там предрекают, но сейчас это было уместно. Начав говорить о своих звездах, Кваретти не останавливается, и под его бесконечные рассуждения я мог спокойно думать о своем. Разумеется, из моей головы не выходил Надор.

Восстание Борна прошло мимо меня, ведь в то время я

видел лишь Ортанс, сменившую короткие детские юбочки на длинные платья. Я забросил даже мои занятия, чего уж говорить о паре графов, одном пристреленном и втором казненном, зато теперь моя голова холодна, а сердце исполнено сочувствия к храбрецам, поднявшим меч против тирании. Возвращение Укбана доказывает добросовестность восставших. Они не были сообщниками столичных интриганов, задумавших занять место Сильвестра и потеснить Манрика, но под силу ли им продержаться до подхода помощи?

Мне кажется, что да. Люди, готовые отдать жизнь во имя высшей цели, сражаются лучше дерущихся за деньги, за добычу, за возможность влезть чуть повыше соседа и тем более идущих в бой из страха перед властями. Солдат есть зеркало генерала, а генерал в свою очередь есть зеркало властей держащих. Зеркало Сильвестра и Ноймаринена. Что представляют собой нынешние талигойские «герои брани суровой», не секрет, порядочные и разумные люди среди них редкость. И захотят ли эти умные и порядочные топить в крови тех, кто сходен с ними по духу?

Уверен, восставшие будут биться пусть и менее умело, но бесстрашно и до конца, а вот выдержит ли их напор стадо в королевских мундирах? Тем более что Окделл воюет в родных краях, он знает и местность как таковую, и всякие ее особенности, влияющие на ход войны. Потомок легендарного Алана, храбрый, имеющий боевой опыт, он не даст быстро себя разбить, а потом подоспеют союзники.

Дриксен и Гаунау – многолетние враги Талига, они постоянно изыскивают способы нанести удар и склонить чашу весов на свою сторону. Совсем недавно это пытался сделать гаунаский Хайнрих, и у него почти получилось. Не станут же северяне сидеть сложа руки и смотреть, как полыхает граничащий с ними Надор? Да, им нужно время, чтобы подготовиться и сделать свой ход, но время нужно и королевским войскам, которым идти дальше и по раскисшим дорогам, в то время как поздняя северная весна дает дриксенцам и гаунау возможность опередить распутицу.

II

Талиг. Лаик

6-й день месяца Зимних Волн 393 года круга Скал

Отпуска для унаров и, соответственно, прочих лаикских затворников отменять не стали. Вчера вновь собиравший менторов Арамона изрек, что мятеж не повод лишать юнцов прогулки и раздувать совершенную Окделлом глупость до размеров серьезной угрозы. Сам капитан никогда бы до подобного не додумался. Будучи предоставлен самому себе, он бы брызгал слюной, потрясал кулаками, изрыгал проклятия в адрес бунтовщиков, а под конец всем бы запретил не только выезды за пределы поместья, но и прогулки по парку. Приходится признать, что кто-то в верхах способен рассуждать более или менее здраво. При этом из трижды настырно повторенной Арамоной сентенции про никчемность мятежа и мятежников явственно следует, что эта якобы «глупость» начинает всерьез беспокоить Олларию. Будь иначе, никто бы не стал сочинять и рассылать «особые разъяснения», которые вырядившийся в парадный мундир капитан Лаик в меру своих способностей огласил перед выстроившимися в вестибюле унарами.

Начало, впрочем, было рутинным. Наставник головастиков призвал переминавшихся от нетерпения с ноги на ногу питомцев вести себя в отпуске достойно, напомнил о карах

за опоздание, посещение злых мест, и особо за участие в игре, дуэлях и обсуждении братства святого Фабиана с посторонними, к коим относятся в том числе и не прошедшие через Лаик родичи.

В обычный год после сего умопомрачительного требования унары, расталкивая друг друга, устремляются на крыльцо, к которому служители подводят оседланных лошадей. Считается, что первый выехавший за ворота Лаик подхватывает в седло удачу, которая остается с ним до Фабианова дня, так что юнцы, дослушивая положенное, откровенно косились на двери, однако их ждал сюрприз. Арамона упер руки в бока, выпятил грудь, и понеслось. Будущим опорам трона надлежало знать, что несколько отщепенцев во главе с Эгмонтом Окделлом, подло обманув доверие дозволившего им собирать ополчение короля, подняли мятеж. Враги Талига, не решаясь сами развязать войну, сделали ставку на внутренний бунт и подкупили Эпинэ, Килеана-ур-Ломбаха, братьев мятежника и убийцы Борна, Кавендиша и еще нескольких глупцов и негодяев.

В настоящее время трусы отсиживаются в Надоре в надежде на помощь иноземных войск, но будут разбиты не позднее чем к середине лета. Главари отправятся сперва в Багерлее, а затем в Занху. Вместе с выявленными следствием сообщниками и пособниками. Так будет с каждым, кто посмеет бунтовать против нашего обожаемого короля Фердинанда и его славных сподвижников. Сам по себе мятеж не

стоит даже упоминания, но всё те же иноземные враги распускают гнусные слухи, которые могут дойти до унарских ушей, а посему капитан Лаик обрисовывает своим воспитанникам истинную картину. Дабы они встретили мерзкие наветы во всеоружии.

– Теперь можете ехать. – От речи Арамона раскраснелся даже сильнее, чем от своей любимой тинты. – И помните: ко дню святого Фабиана на вашей реп...путации не должно быть ни единого пятна... И не задерживайтесь. В десять вечера я закрою ворота. Опоздавшие будут взысканы... подвергнутся наказанию.

Обалдевшие юнцы завертели головами, переглядываясь и не спеша бросаться к дверям. Первым, как ни странно, опомнился унар Хлодвиг. Выйдя из строя, он помаршировал напрямиком к Арамоне.

– Господин капитан! – громовым голосом отчеканил первый лаикский тугодум, щелкнув в кромешной тишине каблуками. – Прошу немедленно отпустить меня. Мой долг – ехать в армию. Нужно давить мятеж к Летнему Излому во славу короля и Талига.

Арамона насупился. Всплеск верноподданнического рвения явно застиг господина капитана врасплох.

– Мятеж подавят без вас, – после тяжких размышлений наконец изрек он. – Ваше дело сид... достойно... достичь дня святого Фабиана.

– Я вступал в Лаик в мирное время. – Хлодвиг и не думал

отступать. — Сейчас государь и Талиг в опасности. Мой брат скоро будет сражаться, я еду к нему. Если меня не отпускают, я уезжаю сам. Спасать отечество важней, чем получать место в выпуске.

Не любоваться сим порывом было невозможно. Редкий поэт способен жить так, как он пишет, но Хлодвигу это удалось в полной мере. Стремления унара полностью соответствовали его виршам, однако в лице Арамоны он встретил достойного соперника. Хлодвиг рвался спасти короля от Окделла, но капитан принимал и выпускал головастиков по счету, какие уж тут войны и восстания!

Хлодвиг напирал, Арамона пресекал и не пускал, при этом оба краснели, сопели и путались в словах. Зрелище было презабавным, я сдерживал улыбку с большим трудом, а вот переглядывавшиеся кэналлийцы не выдержали и расхохотались, подавая пример остальным.

На Арамону унарский смех подействовал, как ведро холодной воды. Издав звук, очень похожий на хрюканье, он топнул ножищей и рявкнул, что унар Хлодвиг арестован вплоть до выяснения.

Что он собирается выяснить, капитан не уточнил, но на юного спасителя отечества это подействовало. Он вновь щелкнул каблуками и отрапортовал, что готов ждать ответа на свое прошение под арестом. На сем и разошлись. Хлодвиг с чувством выполненного долга на деревянной физиономии строевым шагом направился в сопровождении млад-

шего фехтовальщика под арест, прочие, все еще хихикая, побежали к выходу, а Арамона шмыгнул к себе, надо полагать, торопясь принять привычное успокоительное.

[****]

6-й день месяца Зимних Волн 393 года круга Скал

Сегодняшнюю тишину я намеревался использовать для работы, однако сообщенные Арамоной новости придали моим мыслям иное направление. Я мог поздравить себя с верной догадкой – Килеаны-ур-Ломбахи избавили своего наследника от Лаик, поскольку состояли в заговоре. Нельзя было не отдать должное изяществу решения и разуму, нашедшему способ готовить восстание не просто на глазах властей, но при их полной поддержке, якобы собирая ополчение для отражения возможного вторжения из Каданы. Видимо, не ошибся я и с Гланами, но любопытнее всего были слухи, от которых предостерегали унаров. Само это требование означало, что такие слухи есть и властям предрежащим они неприятны. Кто-то не самый глупый решил признать часть правды, и капитану Лаик, и, видимо, не только ему, назвали несколько имен, но их наверняка гораздо больше. Манрики превращают север Талига сразу в дойную корову и выючного осла, это не может нравиться местному дворянству, так почему бы Рокслеям, Давенпортам, Ларакам, Флашблау, Хейлам, Тристрамам, Лецке не примкнуть к Окделлу если не

сразу, то по ходу восстания? Если унар Эндрю нас сегодня покинет, я не удивлюсь. Умей Арамона мыслить логически, он бы посадил под замок не тупицу Хлодвига, а младшего Давенпорта.

С южанами сложнее, поскольку примкнувшие к восстанию рискуют своими близкими и оставленным дома имуществом, но Эпинэ ведь на что-то рассчитывают! Должен же старый герцог понимать, что, пока его дети и внуки сражаются в Надоре, в Старую Эпинэ пожалуют королевские драгуны. Разве что благородное семейство разыграло ссору и разделилось. Кто-то примкнул к Окделлу, кто-то стережет владения и выказывает верноподданность. Если мятеж окончится удачей, фамилия воссоединится, нет – проигравшие уйдут в Кадану, а оставшиеся «верными» Фердинанду сделают вид, что не желают знаться с изменниками. Доказать сговор в таком случае можно лишь с помощью палача, впрочем, сперва нужно подавить мятеж, что неочевидно.

Чем больше я думаю, тем сильнее склоняюсь к мысли, что на сей раз Олларам, вернее, Сильвестру, придется поступиться многим и что решаться все будет не в Олларии и даже не в Надоре, а в Паоне и Эйрехте. Сколь далеко будут готовы зайти император и кесарь? Неужели им до сих пор застыят глаза неудачи Двадцатилетней войны? Думаю, ответ мы получим в конце весны, и тогда же прояснится мое собственное положение. В любом случае надо быть готовым как к спешному отъезду, так и к ожиданию.

Унар Эндрю из отпуска вернулся, однако на сегодняшнем уроке я не досчитался бергеров. Всех троих. На мой вопрос, не знает ли кто, что произошло с сими детьми суровых скал, неожиданно поднялся унар Антонио и сообщил, что Арнульф, Олаф и Мартин покинули Лаик, попросив передать письмо господину капитану, что и было сделано. Я поинтересовался, не объяснили ли беглецы свое решение, и Антонио подтвердил, что да, объяснили. Они сочли своим долгом встать рядом с родичами, которым предстоит оставаться гаунау, когда те пойдут на подмогу мятежникам.

Три косноязычных дуболома вряд ли были способны столь четко сформулировать свою мысль, так что письмо наверняка диктовал бергерам сам Антонио, которому, как кэналлийскому маркизу, Арамона спускал все. Что поделать, привилегированное положение полуморисков с полуострова – один из уродливых абсурдов нынешнего Талига, но меня это не касается. Я поблагодарил Антонио и перешел к распаду Уэрты, хотя вернее было бы сказать – к расчленению. Существовавшее почти тысячу лет процветающее королевство было уничтожено пресловутым Алонсо, использовавшим в качестве предлога мятеж, поднятый полубезумным Балинтом Мекчеи. Мало того, Алонсо повторил подобный трюк еще дважды, лишив Гаунау Каданы и присвоив половину Марагоны. Разумеется, в Талиге эти деяния подаются как подвиги, но желания их превозносить у меня не было и

прежде, когда догадка о том, что моим отцом вполне может быть агарийский дипломат, меня еще не посетила.

Избегая столь неприятного мне деяния, я раскрыл труд последнего посла Талига при уэртском дворе и велел уна-ру Хлодвигу читать вслух. То, что читается таким голосом и с таким выражением, запоминается навеки и навеки же вызывает отвращение, в данном случае заслуженное. Седрик Карлион был не столько дипломатом, сколько шпионом, но в историю вошел даже не этим, а своей женитьбой на малолетней алатке, якобы ради ее спасения от воображаемых убийц. Плодом этого противоестественного союза стала величайшая из блудниц нынешнего Круга, чьи выходки, однако, забавляют глупцов до сих пор. То, что эта особа велела высечь великого Дидериха, должно вызывать негодование, но я не раз слышал, как над злоключениями драматурга смеялись люди, полагающие себя утонченными.

Что поделать, варварство, усиленное безнаказанностью, способно на воистину чудовищные вещи, а Талиг опирается именно на варварство – южное кэналлийское и северное – бергерское и ноймарское. Прежде было еще и алатское, но, к счастью, королева Алиса избавила Талиг от тянувшегося со времен Двадцатилетней войны союза. Если б не это, мне пришлось бы иметь дело с еще одним видом ненавидящих просвещенных соседей дикарей. Бергеров считают союзниками Талига, но истинный смысл их существования – ненависть к дриксенцам и гаунау. Сейчас перед ними замаячила

возможность навредить извечным врагам, и горцы ею воспользуются в полной мере, однако Надор граничит не только с Бергмарк, но и с той самой Каданой, которую когда-то отторгли от Гаунау. Теперь это сыграет против Талига.

Пришедшая под достойные плаца вопли Хлодвига мысль о каданском сюрпризе кажется мне все более правдоподобной. Сегодняшний Талиг вполне можно накормить тем же обедом, что и несчастную Уэрту сто с лишним лет назад. Что может противопоставить Сильвестр объединению мятежного Надора с Каданой? При твердой позиции Дриксен, Гаунау и Гайифы – ничего. Новая граница пройдет по Ферре, после чего будет разумным заняться югом. Агария вполне может возместить давнюю потерю Алата за счет земель, лежащих к югу от Кайна. Полагаю, тамошние обитатели этому обстоятельству лишь порадуются, а участие в восстании Эпинэ делает подобную возможность осязаемой.

Я бы не отказался окончить свои дни где-нибудь на побережье Новой Уэрты, но пока это лишь призрак, марево. Для начала мне надлежит завершить свои научные и литературные труды, а значит, оставаться в Лаик, что требует терпения и предусмотрительности. Замыслы восставших скоро станут понятны. Если Окделл желает освободить от тирании весь Талиг, он после соединения с союзниками пойдет вперед, если же его намерения скромнее, то после первой же неудачи королевской армии начнутся переговоры. В первом случае мне придется позаботиться не только о себе, но и о главных

сокровищах лаикской библиотеки, во втором же от меня потребуется просто не выдавать своих чувств, но жизнь меня этому научила еще в доме моего приемного отца.

[****]

3-й день месяца Весенних Скал 393 года круга Скал

Два месяца до дня святого Фабиана, и никаких новых известий о восстании, только пустые сплетни, в шестнадцатый раз повторяющие давно известное, но с явно выдуманностями. Слушать их и то смешно, не то что верить. Что говорят между собой унары, я, само собой, могу лишь предполагать, а вот от менторских рассуждений я, увы, не избавлен, будучи вынужден раз за разом выслушивать верноподданное кукареканье. Искренни ли мои коллеги? Получающий письма от тестя-полковника Шлих и Шатень с его неиссякаемыми военными мемуарами – пожалуй, да, что же до прочих, то вся их преданность Олларам проистекает из нынешнего жалования и грядущего пенсионера. Победа мятежников почти наверняка отлучит их от кормушки, и они желают свободе и совести поражения. Даже звездочет, составивший гороскопы тех повстанцев, кто прошел через Лаик и чья дата рождения, соответственно, значится в здешних списках, правда, без столь важного для астрологов часа первого крика.

Тем не менее мэтр Кваретти вычислил, что звезды для

Окделла и троих Эпинэ расположились достаточно удачно, причем к осени это «достаточно» обещает превратиться в «очень». Если он не ошибается и вожаки сверялись со звездами, они будут тянуть с решительными действиями, поджидая не только союзников, но и удачу. Соответственно, столь необходимые мне для принятия решения известия придут, когда Лаик по летнему времени опустеет. Что ж, меня это вполне устраивает, пока же я составляю письма, которые либо сожгу, либо отошлю, когда все прояснится, и развлекаю внезапно повадившегося ходить на уроки словесности Арамону. В стихосложении он не понимает ничего, поэтому приходится, к вящему удовольствию унаров, разбирать гальтарские комедии.

Сомнений, кто будет в нынешнем выпуске первым, нет. Унар Антонио. В моем классе он сопоставим с Виктором и слегка отстает от Лукаса, у Шлиха и Кваретти они с Эндрю, Лукасом и Виктором одинаковы, но в Лаик «первого называет шпага». Здесь с кэналлийцами могут потягаться бергеры и Хлодвиг, но горцы сбегали, а Хлодвига губят словесность и математика. Кроме того, Антонио недурно рисует и лучше всех берет барьеры, так что все решено. Унары с победителем примирились, но за второе и третье места в итоговом списке спорить будут, а Хлодвиг еще и намерен потягаться за первенство в фехтовании и гимнастическом зале. Арамона раскладом тоже доволен, он вообще пребывает в отличнейшем расположении духа, предвкушая не только день свято-

го Фабиана, но и Занху для восставших. Отвратительно, но приходится отмалчиваться, ссылаясь на неспособность разбираться в воинских делах. Арамоне с Шатенем это льстит, а мне остается утешаться тем, что в моей трагедии обязательно будут навязчивые и самодовольные болваны не только со шпагами, но и со шпорами и седлами.

[****]

9-й день месяца Весенних Скал 393 года круга Скал

Вчера Арамона вернулся из отлучки в возбужденном состоянии духа и после трапезы под величайшим секретом выдал действительно свежую новость, которую выудил не то в недрах геренции, не то у своего незаконного тестя.

Оказывается, в Олларию вернулся герцог Алва, и его отправляют в Надор против восставших. Решение королем, то есть кардиналом, уже принято, так что Окделлу скоро конец. Отчаянный, успешный, решительный, верный трону генерал – примерно так вещал господин капитан – церемониться с врагами Талига не станет. И конечно же – «я вот помню еще унара Рокэ, очень старался на моих уроках. Я сразу понял, способный мальчишка, многого добьётся. И шпагой, и головой».

Арамона исходил восторгами, но был доволен и я. Если отбросить обычное солдафонское бахвальство, что останется? То, что потомок пресловутого Алонсо на севере чужак.

На первый взгляд это недостаток, причем крупный. Тогда зададим следующий вопрос: а что, опытных, умелых и знакомых с Надором полководцев совсем не нашлось? Или нашедшиеся не захотели участвовать в столь «славном» деле?

Хотя что это я? Ждать от талигойских генералов поступков, достойных героев Лахузы и Иссерциала, не приходится, все гораздо проще – это Сильвестр и Ноймаринен не доверяют своим подручным, вот и вынуждены полагаться на необузданного кэналлийца. Что ж, тем лучше. Серьезного опыта у Алвы нет, его главный успех – убийство собственного командующего, о чем знает весь Талиг, ну а основное достоинство – безжалостность и отсутствие личных связей на севере. Собственно, потому и назначен. Не за фехтовальные же успехи, которые при вождении армий ничего не решают.

Арамона может сколько угодно трубить победу, но назначение Алвы – показатель слабости. Я, к счастью, не военный, но чтобы понять: восставшие под предводительством куда более опытных Окделла и Эпинэ предадут скороспелому генералу жестокий урок, довольно простого здравого смысла и логики.

[****]

18-й день месяца Весенних Ветров 393 года круга Скал

Сегодняшний день ознаменовался омерзительным разговором с Йозефом Шлихом, отныне этот человек для меня не

существует. Началось с того, что я застал сего господина в аудитории землеописания над картой северной части Талига и из вежливости осведомился, что его интересует. В ответ Шлих сообщил о полученном на днях письме и выразил озабоченность расположением наших армий, показав мне, где они должны сейчас находиться.

Признаюсь, слушая пояснения Шлиха, я испытывал определенное злорадство, ибо обстоятельства складывались для повстанцев исключительно благоприятно. Герцог Окделл и его сподвижники заняли выгодные позиции на стыке Надорского нагорья и Ренквахи и могут держать там оборону до подхода помощи. Перейти через вобравшие в себя весенние воды топи Ренквахи невозможно, и Олларам для наступления остается два пути: или отправить собранные в центральных провинциях войска штурмовать с запада Ворота Ферры – неудобный проход между отрогами Восточной Торки и Надорской грядой, или бросить в бой Северную армию. Но стоящий на стыке Бергмарк, Гаунау и Каданы фок Варзов ждет сейчас удара от гаунаского Хайнриха, так что ему не до Надора. Но это еще не все – тесть Шлиха откуда-то узнал, что в восточной Кадане собралась целая армия, которая ждет лишь, когда подсохнут дороги. Немногочисленные гарнизоны на границе ее вряд ли остановят, так что повстанцам нужно продержаться не более месяца, после чего из обороняющихся они превратятся в наступающих.

От такой перспективы Шлих прямо-таки кипел, прокли-

ная сразу Гаунау, Кадану и Окделла. Когда он в десятый раз назвал мятежного герцога и его сподвижников предателями, я сослался на головную боль и сказал, что мне надо срочно выйти на воздух. Шлих рассеянно кивнул, продолжая пожимать глазами карту.

Неужели этот человек некогда читал Лахузу и Дидериха, входил в студенческое братство, распевал «обнимем друг друга за плечи, друзья»?! Непостижимо! Я оставил бывшего ученого и бывшего человека любоваться нарисованным Надором и вышел в парк. Деревья были покрыты нежной зеленью, трава желтела от одуванчиков, весело щебетали птицы. Весна! Она способна впустить надежду даже в самое одинокое сердце. Звезды не лгут: повстанцев ждет победа, а королевскую армию – разгром. Я в это верю, ведь свободу нельзя удержать, как нельзя остановить солнце.

Я задумчиво брел вдоль пруда, постепенно беря себя в руки, однако мне незамедлительно было ниспослано следующее испытание в лице Шатеня, который с присущей ему бестактностью пристроился рядом. И тут я допустил ошибку – в ответ на вопрос о причинах моей задумчивости признался, что только что беседовал со Шлихом. Шатень, как оказывается, переговорить с ним тоже успел и немедленно бросился меня, как ему казалось, успокаивать. Я и не знал, что наш берейтор имел сомнительное удовольствие видеть Алву, когда тот был еще полковником... Полковник в неполные двадцать пять! Пусть кто-то после этого мне скажет, что в этой

стране чины и награды раздаются по заслугам, а не по рождению... Тем не менее я был вынужден выслушать длинный, приправленный дешевыми шутками рассказ о том, как полковник Алва нарушил приказ, убил генерала и сам стал генералом. Наш лошадиник от этого в восторге, по крайней мере, он четырежды повторил фразу Алвы, которую тот якобы сказал, готовясь разрядить пистолет в грудь несчастного Карлиона: «Лучше я убью вас, чем Хайнрих убьет фок Варзов!»

Я молчал, предоставив сему господину ржать в свое удовольствие. Посвяти я себя не наукам, а живописи, я бы восхитился этим образчиком нашей победоносности. Шатень и Арамона – живые памятники тысячам грубых, ничемных тупиц, кичащихся черно-белыми мундирами и длинными шпагами. Такие капитаны заполонили Талиг от Эпинэ до Торки и от Придды до Варасты. Они развратничают, жрут, пьют, громко хохочут и швыряются чужими деньгами. Для них нет ничего недоступного, ведь в их потных лапах шпаги, а за спиной – власть. Очень надеюсь, что скоро их покровителю станет не до смеха. Алва может до осени биться лбом в Ворота Ферры, это ему не поможет.

Мы обошли показавшийся мне морем пруд, и я стал прощаться, ссылаясь на необходимость подготовить вопросы к испытаниям по моим предметам. Шатень с умным видом кивнул и спросил, в полной ли мере я успокоился. Я ответил, что надеюсь на торжество справедливости. Берейтор

укоризненно покачал головой, посоветовал меньше говорить со Шлихом и в довершение предложил что-то вроде пари. Если Алва до начала следующего лаикского сезона отправляет Окделла к Карлиону, он, то есть Шатень, угощает меня обедом в своем любимом кагетском трактире. Если же Окделл к этому времени остается жив и свободен, я покупаю лошадям новых унаров мешок моркови.

Иногда проще согласиться, чем спорить. Я согласился, хотя в случае полного успеха повстанцев в Лаик не будет ни унаров, ни их лошадей, ни глупого громогласного берейтора.

19-й день месяца Весенних Ветров 393 года круга Скал

Все сходятся на том, что весна в этом году непривычно жаркая. Почки лопнули на две недели прежде срока, из-под цветущих одуванчиков почти не видно травы. Я всегда любил это время года, но весну 393 года еще и окрыляет надежда, скрывать которую становится все труднее.

Ученые презирают «ясновидцев», и заслуженно, однако прозревать будущее при помощи разума и можно, и должно. Нет сомнений, что надорские повстанцы продержатся до подхода собранной в Кадане армии, а гаунау свяжут руки и стареющему Первому маршалу, и бергерам с их нелепой варварской ненавистью к соседям. Дальнейшее? Талиг слишком огромен, гнил и дик, чтобы поглощать его полностью, к тому же приходится учитывать ненадежность всегда готовых ударить в спину алатов и то, что Гайифу с Дриксен по-прежнему страшит призрак Двадцатилетней войны. Что империя, что

кесария отважатся на решительные шаги лишь после того, как развеется ядовитый кадельский туман, для чего требуется несколько лет ощутимых успехов. В этом году следует ожидать разве что провала штурма королевской армией Ворот Ферры, переговоров с повстанцами при посредничестве держав Золотого договора и отторжения от Талига части Надора. Время, чтобы хотя бы вчерне завершить свой труд и подготовиться к быстрому переезду сперва в Эпинэ к приемному отцу, а затем и дальше, у меня есть, вернее, будет, если капитаном Лаик останется Арамона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.